РЕПРЕССИРОВАННАЯ НЕЙРОХИРУРГИЯ:
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО М.С. СКОБЛОБ.Л. Лихтерман¹, М.Н. Козовенко²¹ФГАОУ ВО Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова Минздрава России;
Россия, 119991 Москва, ул. Большая Пироговская, 2, стр. 4;²Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации**Контакты:** Болеслав Леонидович Лихтерман lichterman@hotmail.com

Статья посвящена описанию жизни и научной деятельности выдающегося невропатолога Макса Соломоновича Скобло (1899–1963), директора Института хирургической невропатологии в Ленинграде. Убежденный коммунист, он был дважды репрессирован (в 1937 г. по обвинению в троцкизме осужден на 10 лет, которые провел в лагерях на Колыме, в 1949 г. сослан на 5 лет в Красноярский край), в 1955 г. полностью реабилитирован и в 1956 г. восстановлен в рядах КПСС.

Ключевые слова: история неврологии, история нейрохирургии, М.С. Скобло, ГУЛАГ, политические репрессии, коммунизм

Для цитирования: Лихтерман Б.Л., Козовенко М.Н. Репрессированная нейрохирургия: жизнь и творчество М.С. Скобло. Нейрохирургия 2019;21(3):100–14.

DOI: 10.17650/1683-3295-2019-21-3-100-114

Neurosurgery repressed: life and works of Max Skoblo

B.L. Lichterman¹, M.N. Kozovenko²¹I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Ministry of Health of Russia;
Bld. 4, 2 Bol'shaya Pirogovskaya St., Moscow 119991, Russia;²The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

The article is devoted to life and work of Max Skoblo (1899–1963), an outstanding professor of neurology, who was a director of the Institute for Surgical Neurology in Leningrad. A devoted communist, he was twice purged (in 1937 he was convicted to 10 years of imprisonment at concentration camps in Kolyma, and in 1949 he was sent to exile for 5 years to Siberia). In 1955 he was rehabilitated and restored his membership in the Communist Party in 1956.

Key words: history of neurology, history of neurosurgery, Max Skoblo, GULAG, political repression, Communism

For citation: Lichterman B.L., Kozovenko M.N. Neurosurgery repressed: life and works of Max Skoblo. Neyrokhirurgiya = Russian Journal of Neurosurgery 2019;21(3):100–14.

ВВЕДЕНИЕ

В годы «большого террора» массовые репрессии коснулись всех слоев населения, включая ученых и медицинских работников. В этой статье мы попытались проследить непростой жизненный путь и оценить научное наследие Макса Соломоновича Скобло (1899–1963), невропатолога и коммуниста. Она основана на материалах его личного архива, следственного дела из архива ФСБ, документах Института хирургической невропатологии из Государственного архива РФ, публикациях и тексте докторской диссертации, а также на воспоминаниях родственников¹.

УЧЕНИК М.И. АСТВАЦАТУРОВА

Меер Залманович (Макс Соломонович) Скобло родился в многодетной семье местечкового торговца в Витебске². Из 11 детей 5 умерли в младенческом возрасте. Рахиль, старшая сестра, умерла от тифа в 1918 г., Абрам, старший брат, покинул Россию в 1913 г. и жил в Лондоне, младший брат Вениамин умер молодым, а другой младший брат, Исаак, кандидат биологических наук, — стал жертвой Холокоста, младшая сестра Мириам (Мира) стала врачом [1]. По словам Леонида Исааковича Скобло (племянника М. С.), о своих родителях его дядя никогда не рассказывал³. Залман Скобло

¹Авторы выражают сердечную благодарность внучке М.С. Скобло Ирине Васильевне Кытмановой за предоставленные материалы и помощь в подготовке данной статьи.

²В личном деле слушателя Военно-медицинской академии М.С. Скобло имеется рапорт с просьбой переменить имя и отчество Меер Залманович на Макс Соломонович.

³Встреча с Л.И. Скобло одного из авторов статьи (Б. Л.) состоялась 22.08.2018 в Санкт-Петербурге.

В кругу семьи (не позднее 1919). Слева направо: в первом ряду — Эсфирь, Песя Боруховна, неизвестный, во втором ряду — Меер (Макс), Мириам (Мира), Вениамин, Исаак (фотография из личного архива И.В. Кытмановой)

Among the family (before 1919). From left to right: first row — Esther, Pesya Borukhovna, unidentified person, second row — Meer (Max), Miriam (Mira), Veniamin, Isaac (photo from the private archive of I.V. Kytmanova)

был ортодоксальным евреем, являлся казначеем местной синагоги и держал москательную лавку. По словам Л.И. Скобло, дед был большим любителем чая, а если что-то не нравилось — швырял чашку на пол. На самом деле главой семьи была его жена Песя Боруховна Соркина.

В 1918 г. Меер Скобло с золотой медалью окончил витебскую гимназию и поступил в Военно-медицинскую академию (ВМА) в Петрограде. В январе 1919 г. принят в члены ВКП(б). Как он напишет в конце 50-х годов в своем заявлении о получении персональной пенсии, «состоял членом первой парторганизации Военно-Медицинской Академии в числе 8 человек, проводившей работу по советизации Академии. Весной 1919 г. по партмобилизации был направлен на фронт гражданской войны комиссаром 2-го полка Первой стрелковой дивизии 6-й Армии Северного фронта. По ликвидации фронта, в начале 1920 г., мобилизован на укрепление транспорта, назначен заместителем начальника Дорполита Ташкенской жел[елезной] дороги (г. Оренбург)⁴. В связи с болезнью направлен на советскую работу: с конца 1920 г. по конец 1921 г. был секретарем и членом президиума витебского губисполкома, а затем командирован ВКП(б) в ВМА

для продолжения образования. Окончив ее в 1926 г., остался в аспирантуре при кафедре нервных болезней, руководимой М.И. Аствацатуровым [2, л. 150]. После окончания аспирантуры в 1929 г. — ассистент на той же кафедре [3, л. 97]. В годы учебы в ВМА женился на однокурснице — Берте Александровне Рибущ из Пскова, которая стала впоследствии офтальмологом.

В заявлении на получение персональной пенсии М.С. Скобло упоминает о своей партийной и общественной работе в 20–30-е годы: руководил кружками в сети партпросвещения, был председателем совета старост ВМА, секретарем партийной ячейки научных работников ВМА и выполнял различные поручения партбюро и районного комитета ВКП(б), неоднократно избирался членом партбюро ВМА.

Ученик В.М. Бехтерева проф. М.И. Аствацатуров (1877–1936), в течение 20 лет (1916–1936) возглавлявший кафедру нервных болезней ВМА, в 1924 г. организовал и возглавил нервное отделение больницы им. Мечникова в Ленинграде, а в 1930 г. стал консультантом Института хирургической невропатологии (см. ниже) [4, с. 234]. Он являлся основоположником биогенетического (или исторического) направления в неврологии, пытаясь связать закономерности развития

⁴Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, приводятся материалы из личного архива И.В. Кытмановой, находящегося в Санкт-Петербурге.

Гимназист Меер Скобло (фотографии из личного архива И. В. Кытмановой)

Grammar school student Meer Skoblo (photos from the private archive of I. V. Kytmanova)

Преподаватель кафедры нервных болезней, военврач 2-го ранга М.С. Скобло (1933) (фотография из музея истории Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова)

Lecturer at the Department of Neurological Disorders, army doctor 2nd rank M.S. Skoblo (1933) (photo from the History Museum of the S.M. Kirov Military Medical Academy)

симптомов заболеваний нервной системы с эволюционным учением Дарвина, а также изучал проблему боли. Под его руководством было издано «Руководство по военной травматологии», 2 главы в котором («Травматические и огнестрельные ранения спинного мозга» и «Травматические и огнестрельные ранения головного мозга») были написаны М.С. Скобло [5, 6]. Многие научные работы М.С. Скобло развивают идеи Аствацатурова [7–15].

В личном архиве М.С. Скобло сохранился набросок речи, по-видимому, произнесенной на похоронах Аствацатурова (см. приложение). Примечательно, что М.С. Скобло обращается к своему учителю на «ты». Он подробно и эмоционально говорит как о его научных достижениях, так и врачебных и человеческих качествах, характеризует созданную им школу. Самые трудные диагностические задачи Аствацатуров, по словам Скобло, решал «с эллинской ясностью и легкостью».

В 1933 г. М.С. Скобло демобилизовался из ВМА, а в следующем году стал заведующим кафедрой нервных болезней 3-го Ленинградского медицинского института [16, 17]. В его личном архиве сохранилась копия рекомендации М.С. Аствацатурова, датированная 22.05.1934, где дана высокая оценка соискателю: «За время своей восьмилетней работы при кафедре нервных болезней Военно-Медицинской Академии д-ром Скобло произведены ряд самостоятельных научных исследований по различным разделам теоретической

и клинической неврологии. Результаты этих исследований, напечатанные в различных русских и зарубежных журналах, свидетельствуют об умении автора правильно ставить научные вопросы и планомерно идти к их разрешению, о его прекрасном знакомстве со специальной литературой и способности внимательно наблюдать и сопоставлять результаты наблюдений.

Несмотря на сравнительно небольшой срок клинической работы д-р М.С. Скобло, благодаря своим выдающимся способностям, трудолюбию и исключительной преданности научным интересам, достиг той степени совершенства, которая дает основания несомненно считать его одним из наиболее выдающихся представителей кадра молодых клиницистов и научных исследователей в области неврологии».

В ИНСТИТУТЕ ХИРУРГИЧЕСКОЙ НЕВРОПАТОЛОГИИ

С 1929 по 1937 г. М.С. Скобло совмещал работу на кафедре неврологии ВМА, а затем 3-го Ленинградского медицинского института с работой в Институте хирургической невропатологии, где в 1929–1931 гг. был заместителем директора по административно-хозяйственной части, в 1931–1936 гг. — заместителем директора по науке, с 26 января (после смерти С.П. Федорова) по 1 декабря 1936 г. — директором⁵.

На рубеже 20-х и 30-х годов нейрохирургия все чаще стала рассматриваться как самостоятельная дисциплина. «Неврохирургия, пионерами которой по справедливости следует считать таких выдающихся людей, как Horsley, von Eiselsberg, F. Krause, в настоящее время настолько разрослась, что вполне может считаться совершенно самостоятельной отраслью медицинских знаний и не может уже рассматриваться как отдел общей хирургии», — писал М.С. Скобло в программной статье «Неврохирургия и проблема кадров» [18]. По его словам, самым важным фактором успеха нейрохирургии является «изучение физиологии, патологии нервной системы человека на операционном столе, создание новой главы медицинской науки — неврофизиологии живого человека» [18].

Приводя в качестве примера учение Отфрида Фёрстера о фокальной эпилепсии, М.С. Скобло пишет, что подобные исследования «весьма обогатили учение о локализации и имеют весьма важное практическое значение для уточнения диагностики: эти достижения добыты благодаря выходу за пределы ограниченного экспериментирования на животных операциями

на людях в комбинировании с экспериментом на живом человеке, без всякого, конечно, вреда для него». Курсивом выделена мысль о том, что количество операций на нервной системе настолько увеличилось, что становится непосильным для общего хирурга и требует «объединения и сочетания в одном лице способов диагностики и лечения. Мы можем поэтому определить предмет неврохирургии как науки о хирургических способах лечения заболеваний нервной системы на основе детального знакомства с неврологией. *Хирургическая невропатология есть неврология плюс хирургическая оперативная техника* (курсив М.С. Скобло. — прим. авт.)». Далее М.С. Скобло отмечает крайнее отставание СССР в развитии этой науки и недостаток кадров. В связи с прогнозируемым увеличением числа нейрохирургических больных в войне ближайшего будущего предлагалось ввести преподавание основ нейрохирургии в вузах при клиниках нервных болезней на правах приват-доцентур, а также создать кафедры нейрохирургии при институтах усовершенствования врачей и аспирантуру при этих кафедрах. Вопрос о том, из кого готовить нейрохирургические кадры (из хирургов или из невропатологов), по его мнению, мог быть решен компромиссно: их можно готовить из тех и других.

Научно-практический институт хирургической невропатологии был открыт в июле 1926 г. доцентом хирургической невропатологии А.Г. Молотковым по приказу Ленинградского губернского отдела здравоохранения (№ 15 от 09.01.1925) на базе Александринской женской больницы. В экспериментальном отделении, возглавляемом А.Д. Сперанским, в конце 20-х годов М.С. Скобло изучал на собаках физиологию серого бугра. Результаты этой работы были опубликованы на русском и немецком языках [19, 20]. Под руководством Б.С. Дойникова М.С. Скобло исследовал вторичное перерождение первичных зрительных путей в эксперименте на кроликах и написал об этом статью в ведущий немецкий журнал по неврологии и психиатрии [21].

«Ленинградский Институт Хирургической Невропатологии является по своим специальным задачам единственным учреждением в Республике, принужден удовлетворять нужды не только в Губернском и Областном масштабе, но и в масштабе Всесоюзном», — отмечал Молотков при подведении итогов первого года работы нового учреждения [22]. Хирургия периферических нервов и нейродегенеративных расстройств, а также хирургия боли доминировали в научной тематике института. В Ленинграде получает развитие

⁵Согласно справке от 12.09.1955, подписанной директором Ленинградского научно-исследовательского нейрохирургического института им. А.Л. Поленова, М.С. Скобло работал в ленинградском Институте хирургической невропатологии с 3 января 1929 г. по 20 мая 1931 г. зам. директора по административно-хозяйственной части, с 20 мая 1931 г. по 26 января 1936 г. — зам. директора, с 26 января 1936 г. — директором. 1 декабря 1936 г. освобожден от обязанностей директора и назначен заведующим мужским отделением с зарплатой 3200 руб. в месяц.

хирургия вегетативной нервной системы. Как продолжение исследований R. Leriche, T. Ionescu, В.А. Оплея здесь формируется физиологическая хирургия.

В 1929 г. Молотков предпринял неординарный шаг, попросив С.П. Федорова занять директорский пост, а сам стал его заместителем⁶. Проводились многочисленные фундаментальные и прикладные исследования, результаты которых издавались в виде монографий и сборников научных трудов [24]. Как отмечено в паспорте института, в 1935 г. на 60 койках было пролечено 485 больных, в том числе 141 — с опухолями центральной нервной системы и 350 — с повреждениями периферической нервной системы. Проведено 380 операций, смертность составила 5,9 %, а смертность после операций на головном мозге была значительно выше — 35 % (против 78 % в 1934 г.) [1, л. 15]. Основной хирургический инструментальный был изношен более чем на 50 % [16, л. 30]. Библиотека института насчитывала 626 книг (из них 86 иностранных) и выписывала 19 журналов (в том числе 4 иностранных) [1, л. 18]. Наркомздрав выделил средства на надстройку 2 этажей. В итоге в 1937 г. планировалось увеличить хирургическое отделение с 60 до 130 коек [1, л. 3 (об.)].

В плане научных работ Института хирургической невропатологии Ленинградского горздравотдела на 1937 г. в качестве проблематики, над которой работает клиническое отделение, перечислены опухоли головного и спинного мозга, заболевания периферической нервной системы, боли, вегетативная нервная система, спонтанная гангрена. При этом опухоли центральной нервной системы указаны в качестве основной проблемы, которую планировалось изучать путем пересадок и прививок по методу клеточных культур [25, лл. 64–79]. М.С. Скобло сыграл важную роль в модернизации института и развертывании в нем научно-исследовательской работы. Он пробыл в должности директора менее года (с 26 января по 1 декабря 1936 г.), поскольку 26 ноября 1936 г. заседание бюро Куйбышевского районного комитета ВКП(б) решило М.С. Скобло, «как бывшего в прошлом активного троцкиста, сохранившего до последнего времени связи с участниками троцкистско-зиновьевской контрреволюционной банды, из рядов ВКП(б) исключить» [26, л. 52].

ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

В середине 30-х годов в СССР была возобновлена дореволюционная практика написания и публичной защиты диссертаций по всем отраслям знания, причем введена двухступенчатая система научных степеней, аналогичная немецкой. Так появились кандидатские и докторские диссертации, защищавшиеся в ученых

Поля головного мозга (рисунок из докторской диссертации М.С. Скобло [27])
Areas of the brain (figure from M.S. Skoblo's DSc dissertation [27])

советах НИИ и вузов и утверждавшиеся Высшей аттестационной комиссией с присуждением соискателям ученых степеней кандидата и доктора соответствующих наук. Как правило, получить профессорскую должность и звание можно было только после защиты докторской.

В декабре 1935 г. приват-доцент М.С. Скобло блестяще защитил докторскую диссертацию «Симптоматическая эпилепсия (эпилепсия при хирургических заболеваниях нервной системы — опухолях, абсцессах, арахноидитах и травмах)» на открытом заседании ученого совета Института хирургической невропатологии под председательством засл. деят. науки, проф. А.Д. Сперанского.

Диссертация начинается подробным историческим очерком, в котором показано изменение представлений о падучей болезни с античности до начала XX в. «Мы находимся сейчас в самой интенсивной фазе изучения эпилепсии, связанной с необходимостью пересмотра старых установок и ценностей», — пишет М.С. Скобло [27].

Затем идут главы, посвященные джексоновской эпилепсии, ауре, эпилепсии при мозговых опухолях, пограничным с эпилепсией состояниям при опухолях головного мозга (этиологии эпилепсии при мозговых опухолях, взаимосвязи сна и эпилепсии, мигрени и эпилепсии, обморочным состояниям, кивательным судорогам), структуре эпилептического припадка (все-го 5 глав).

⁶Биограф С.П. Федорова ошибочно утверждает, что институт был создан по его инициативе, а после смерти Федорова был возглавлен А.Л. Поленовым [23, с. 116].

характер припадков по отношению к
170 верифицированным опухолям.

Характеристика эпилептических припадков (таблица из докторской диссертации М.С. Скобло [27])

Characteristics of epileptic seizures (table from M.S. Skoblo's DSc dissertation [27])

Материалом диссертации послужили около 200 случаев различных эпилептических приступов без какой-либо статистической обработки. В тексте приводятся подробные выписки из историй болезни. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство больных умерли до операции от вклинения мозга либо во время или сразу после операции от кровотечения и шока. В качестве диагностического метода использовалась пневмоэнцефалография, что также могло привести к летальному исходу. Ангиография не применялась. Многие диагнозы не верифицированы.

Следует отметить прекрасный литературный язык, которым написана эта работа. М.С. Скобло широко цитирует научную литературу на немецком, английском и французском языках, включая недавно опубликованные работы Отфрида Фёрстера и Уайлдера Пенфилда. Он приходит к выводу об искусственности разделения эпилепсии на симптоматическую и генуинную и предлагает отказаться от термина «генуинная эпилепсия»: «Есть только одна эпилепсия – эпилепсия симптоматическая, протекающая в форме общих, частичных и абортивных припадков». Он утверждает, что джексоновские и идиопатические припадки «тесно связаны между собой гаммой взаимных переходов и представляют собой различные степени и формы нарушения жизнедеятельности нервной системы».

По мнению автора, эпилептогенные факторы при мозговых опухолях многообразны: одни связаны с механическим давлением самой опухоли (менингиомы), другие — с водянкой, местным отеком, реактивным воспалением мозговых оболочек и сосудистыми изменениями (при глиомах).

Как считает М.С. Скобло, «эпилептический припадок конструируется всеми отделами головного мозга — от продолговатого мозга до мозговой коры». «Изучение разнообразия картин припадков в зависи-

Профессор М.С. Скобло накануне ареста (1936) (фотография из личного архива И.В. Кытмановой)

Professor M.S. Skoblo prior to arrest (1936) (photo from the private archive of I.V. Kytmanova)

мости от локализации патологического процесса может быть уподоблено физиологическому эксперименту. Ценность его заключается в том, что этот эксперимент ставится самой природой над мозгом человека, и выводы, из него происходящие, применяются для объяснения эпилепсии человека. История медицины демонстрирует много примеров того, что патология нервной системы может служить ключом к разгадке многих явлений физиологии нервной системы, и путь изучения физиологии нервной системы через клиническую патологию, при помощи патологии является таким же закономерным и ценным, как путь прямых физиологических экспериментов на животных», — подчеркивает он [27]. Эти утверждения перекликаются со словами Н.Н. Бурденко на Первой сессии нейрохирургического совета в мае того же года: «Для нас является принципом, что операция должна идти с точностью апробированного физиологического опыта, особенно в отношении операции без витальных показаний» [28].

Официальными оппонентами были ведущие ленинградские неврологи — проф. С.Н. Давиденков и проф. И.Я. Раздольский, а также заведующий кафедрой патофизиологии 3-го Ленинградского мединститута проф. В.С. Галкин. Все они высоко оценили диссертацию М.С. Скобло. С.Н. Давиденков назвал ее «совершенно исключительной по ценности своих исследований», хотя и отстаивал право гениальной эпилепсии на существование⁷. В качестве неофициального оппонента выступил председатель совета А.Д. Сперанский.

В 1936 г. Высшая аттестационная комиссия присудила М.С. Скобло ученую степень доктора медицинских наук и звание профессора.

⁷Стенограмма защиты имеется в личном архиве И.В. Кытмановой.

НА КОЛЫМЕ

«В конце апреля 1937 г. я был арестован и осужден к 10 годам заключения в лагерях. Срок заключения я отбывал на Колыме, в г. Магадане, где работал до 1946 г. заведующим нервным отделением горбольницы и консультантом поликлиники МВД», — пишет М.С. Скобло в автобиографии⁸. Согласно выданной в 1956 г. справке, «отбывал наказание в исправительно-трудовых лагерях с 28.04.37 года по 29.04.46. На территории Магаданской области отбывал наказание с 15 января 1938 г.». По приговору его имущество было конфисковано.

Через пару лет после ареста брат М.С. Скобло Исаак пишет заявление на имя председателя Верховного Суда СССР с просьбой о пересмотре дела, к которому прилагает жалобу своего брата, осужденного выездной комиссией Военной коллегии Верховного Суда СССР в г. Ленинграде 9 октября 1937 г. по п. 8 и 11 ст. 58 к 10 годам тюремного режима, замененного лагерем. «Я знаю своего брата как человека, который всю свою жизнь, все свои силы отдавал социалистическому строительству родины, партии, верным сыном которой всегда являлся. Осуждение его является роковой ошибкой, в результате которого он жестоко страдает, семья его разрушена, а сам он лишен возможности полезно и плодотворно работать», — отмечает Исаак Скобло. Далее он пишет: «Как указано в жалобе брата, после суда над ним была арестована 10 сентября 1937 г. его жена Скобло Берта Александровна, которая 9 октября 1937 г. была осуждена особым совещанием на 6 лет исключительно из-за мужа. Одновременно была репрессирована мачеха жены моего брата, которая вместе с двумя малолетними детьми была сослана в Казахстан. <...>

Направляю Вам также копию заявления жены моего брата, так как до настоящего времени она еще не освобождена, и прошу дать надлежащий ход ее делу. Прошу Вас принять во внимание, что дети ее глубоко страдают и морально, и физически».

Подробности следствия и суда изложены в письме М.С. Скобло, направленном 1 февраля 1955 г. в Управление КГБ по Ленинградской области: «При аресте в апреле 1937 г. мне было объявлено предварительное обвинение по ст. 58 п. 10–11». При этом никаких доказательств контрреволюционной деятельности у следствия не было, и М.С. Скобло предложили рассказать о ней самому. Эти обвинения он решительно отверг, и затем подвергся пыткам: «Допросы вели 3 следователя, которые работали по 8 часов посменно; допросы велись круглосуточно и меня только отпускали при-

нять пищу и сейчас же снова вызывали. Допросы заключались только в требовании, с применением грубой брани и унижительных насмешек, рассказать о своей контрреволюционной деятельности. Во время допроса меня заставляли находиться только в вертикальном положении и сидеть не разрешали. В течение первых 3-х или 4-х суток бессонницы и пребывания в вертикальном положении я находился в состоянии возбуждения, воевал со следователями, пытаюсь воздействовать на их разум и логику. Я им рассказал свою биографию, свою жизнь, которая вся состояла с юных лет только в беззаветном служении партии и народу. Я рассказал следователю, что в юные годы в 1918–19 г. принимал активное участие в борьбе с контрреволюционными, враждебными элементами в Военно-Медицинской Академии и боролся за советизацию ВМА. Мне было заявлено, что эта моя деятельность по борьбе с реакционной профессурой и студенчеством в Академии и была контрреволюционной, что такова была деятельность всей партийной ячейки. К этому времени на 5-е или 6-е сутки в моем физическом состоянии произошел перелом. Я стал вялым, на ногах появились отеки. Все стало безразличным, я понял, что участь моя предreshена, и хотелось только скорей избавиться от допросов, отдохнуть любой ценой. Я заявил, что если та деятельность, которой я всегда гордился — борьба с реакционной профессурой и студенчеством Вами называется контрреволюционной, то я признаюсь, что был участником контрреволюционной организации...» В результате М.С. Скобло подписал заранее заготовленный протокол, и его оставили в покое на 3,5 мес. Восьмого сентября 1937 г. ему вручили обвинительное заключение, где фигурировало уже обвинение в терроризме (ст. 17–58, п. 8–11). Утверждалось, что М.С. Скобло якобы входил в состав террористической группы, возглавлявшейся заведующим горздравотделом Ленинграда Богеном⁹. На суде Скобло собиравался дать подробные объяснения: «...по прочтении обвинительного заключения я решил, что меня приговорят к высшей мере наказания — расстрелу. Я подумал, что спасу себе жизнь, если признаю себя виновным». Но суда как такового не было: вся процедура заняла 1–2 мин. Среди членов суда был председатель трибунала Ленинградского военного округа Мазюк, с которым М.С. Скобло был ранее знаком. В 1941 г. они вновь встретились. М.С. Скобло вспоминал об этом так: «...в качестве заключенного больного он поступил в отделение больницы, где я работал в Магадане. Я его спросил, помнит ли он мое дело, он мне ответил, что помнит прекрасно, что дела никакого

⁸Здесь и далее все цитаты приводятся по документам из личного архива И.В. Кытмановой.

⁹Давид Григорьевич Боген (Каценеленбоген) (1899–1937) — заведующий Ленгорздравотделом с 1932 г. по май 1937 г. Окончил гимназию в Витебске, в 1918 г. поступил слушателем в ВМА. В 1919 г. ушел добровольцем на гражданскую войну, вернулся к учебе в 1921 г., окончил ВМА в 1926 г. В ноябре 1937 г. был приговорен к расстрелу «за контрреволюционную деятельность». Реабилитирован посмертно в 1956 г. [29].

не было, что им в тот момент приказали так сделать, и они так сделали, т. е. осудили меня к 10 годам»¹⁰.

О пребывании М.С. Скобло на Колыме сохранились разрозненные свидетельства. Писатель Варлам Шаламов¹¹, работавший лагерным фельдшером, упоминает о нем в «Колымских рассказах». Он пишет, что они вместе мыли пол на магаданской пересылке весной 1939 г. (рассказы «Курсы» [30] и «Тифозный карантин» [31]).

Есть свидетельство актрисы Иды Варпаховской¹²: «В больнице меня осмотрел профессор Скобло — светило медицины, он тоже «проживал» в лагерях — и определил болезнь Рейно. Это красивое название дало мне освобождение от ночных работ и направление в руководельный цех» [32].

Согласно имеющимся в архиве М.С. Скобло документам, он провел в Магадане более 8 лет (с 15 января 1938 г. по 1 августа 1946 г.). По рассказам родственников, он был «доходягой» на общих работах, но во время одной из проверок в составе комиссии случайно оказался один из его бывших аспирантов, и, хотя прилюдно он и «не узнал» своего профессора, тем не менее поспособствовал переводу его истопником в баню. Это спасло ему жизнь. Возвращению М.С. к врачебной практике также способствовал случай, когда для постановки диагноза заболевшему сыну высокопоставленного лагерного начальника в силу недостаточной компетентности местных врачей были призваны медики-заключенные. В их числе был и М.С., который поставил правильный диагноз, после чего лагерное начальство решило использовать его непосредственно по врачебной специальности. С января 1943 г. по август 1946 г. Скобло работал в Магаданской краевой больнице в качестве врача-невропатолога, заведующего неврологическим отделением, консультанта-невропатолога и психиатра. В его личном архиве сохранилась характеристика для снятия судимости, подписанная начальником управления Магаданского лагеря старшим лейтенантом Гридасовой: «Скобло М.С. за время пребывания в Магаданских лагерях проявил [себя] как честный и добросовестный медицинский работник. Являясь высоким специалистом в области невропатологии и нейрохирургии, он вел большую работу в нервном отделении Магаданской городской больницы и был консультантом психиатрического отделения больницы УСВИТЛ [Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей]. К работе внимателен, чуток к больным. Внедряя новые

методы лечения и изучая их результаты, врач Скобло достиг в своей клинической работе больших результатов. По его инициативе в Больнице стали проводиться первые нейрохирургические операции и углублялась патолого-анатомическая работа над случаями нервных заболеваний. Добросовестное, внимательное, чуткое отношение к делу, а также высокие знания по своей специальности создали врачу Скобло большой авторитет среди вольнонаемного населения и врачей Колымы. Скобло М.С. имел звание отличника производства и был неоднократно премирован. За высокие производственные показатели и примерное соблюдение лагерного режима Скобло был снижен срок наказания на 8 месяцев и второй раз на 4 месяца».

Примечательна также характеристика М.С. Скобло за подписью главного врача Магаданской краевой больницы Захара Давыдовича Зараховича, датированная 30.07.1946: «Высоко эрудированный и образованный врач, клиницист с широким кругозором, прекрасный диагност, врач-мыслитель, он с первых дней своей работы стал организатором и средоточием всей научной постановки дела в нашей больнице. С первых шагов своей деятельности доктор Скобло стал широко применять новейшие методы исследования и лечения, до него неприменявшиеся. Ему принадлежит почин организации в нашей больнице нейрохирургической работы и ее дальнейшее развитие. Его доклады и демонстрации всегда были образцом логической ясности и законченности научной мысли, и при всей своей глубине отличались доходчивостью и живостью изложения.

Доктор Скобло принадлежит к разряду врачей, которые не замыкаются в узких рамках только своей специальности, его одинаково с вопросами медицины интересовала философия, история, социальные дисциплины, и в частных беседах с ним наши врачи черпали много ценных и интересных сведений.

Пользуясь знанием иностранных языков, доктор Скобло систематически знакомил врачей с новостями англо-американской медицины, что позволяло нам быть постоянно в курсе ее новейших достижений и использовать их в своей практике.

Исключительно чуткий врач с отзывчивым сердцем, врач-гуманист, человеколюбец, он в короткий срок снискал любовь, привязанность и благодарность его бесчисленных пациентов, неизменно пользовался большой популярностью и уважением широких масс.

¹⁰Диввоенюрист Александр Иванович Мазюк (1893–1941) арестован 4 июля 1938 г. по обвинению в участии в военном заговоре. Особым совещанием при НКВД СССР 17 апреля 1940 г. приговорен к 8 годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Наказание отбывал в Северо-Восточных лагерях, где умер 23 ноября 1941 г. Постановлением военного трибунала Ленинградского военного округа от 26 декабря 1955 г. полностью реабилитирован [33].

¹¹Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982) — известный прозаик и поэт, находился в заключении на Колыме с 1938 по 1956 г., с 1946 г. работал там лагерным фельдшером.

¹²Ида Самуиловна Варпаховская (урожденная Гекдишман) (1911–1999) работала в лагере на Колыме швеей, осенью 1943 г. переведена в качестве певицы в женский отдельный лагерный пункт (г. Магадан), где была организована культбригада [34].

Прекрасный отзывчивый товарищ, выдержанный, корректный человек, он был гордостью нашего коллектива, и каждый, кому посчастливилось работать вместе с ним, сохранит надолго самые лучшие и теплые воспоминания о его обаятельной личности»¹³.

Летом 1946 г. М.С. Скобло был уволен с должности заведующего нервно-психиатрическим отделением как инвалид II группы и ему был разрешен выезд на «материк».

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

В Ленинград М.С. Скобло вернуться не мог (политические заключенные после отбытия срока на 5 лет лишались права проживать в Москве и Ленинграде) и поехал в Томск. Во-первых, там находилась его семья — дети и жена Берта Александровна, высланная на поселение после пятилетнего заключения в лагере как член семьи изменника Родины и работавшая врачом-офтальмологом, во-вторых, в Томском государственном медицинском институте им. В.М. Молотова (ныне Сибирский государственный медицинский университет) ему предложили занять должность профессора кафедры нервных болезней (приказ № 186 от 20.09.1946), руководимой доцентом Н.В. Шубиным¹⁴. Согласно справке, подписанной заведующим клиникой нервных болезней Н.В. Шубиным, профессор М.С. Скобло за время работы в клинике с 16.09.1946 по 19.04.1949 читал лекции студентам санитарно-гигиенического, стоматологического и педиатрического факультетов и руководил научной работой части сотрудников клиники по разделу нейроинфекций (рассеянному склерозу и рассеянному энцефаломиелиту). Он также состоял с 1947 по 1949 г. консультантом-невропатологом городской клинической больницы, и, согласно справке за подписью главного врача больницы С. Бейлина и заведующего хирургическим отделением проф. К. Черепнина, «принимал деятельное участие в научных конференциях больницы и зарекомендовал себя добросовестным работником и большим специалистом в вопросах невропатологии и нейрохирургии».

В 1948 г. в журнале «Невропатология и психиатрия» вышла статья М.С. Скобло «Клещевой энцефалит и паркинсонизм» [35]. В ней описаны 2 случая клещевого энцефалита с доминированием в клинической картине стриарных симптомов. В этом же году он выступил с докладом о рассеянном склерозе на III Всесоюзном съезде невропатологов и психиатров в Западной Сибири.

Однако М.С. Скобло стремится вернуться в Ленинград. В этой связи примечательна характеристика, датированная февралем 1947 г. и подписанная действительным членом АМН СССР, директором Ленинградского нейрохирургического института проф. А.Л. Поленовым: «Проф. Скобло М.С. мне известен в течение ряда лет как весьма добросовестный и высококвалифицированный научный работник и клиницист-невропатолог».

Широко образованный невропатолог профессор Скобло М.С. давно оценил значение нейрохирургии для изучения физиологии и патологии нервной системы человека, а также оборонное значение этой молодой отрасли медицины нашей страны.

Профессор Скобло М.С. в свое время приложил немало усилий для развития нейрохирургического института в Ленинграде, который в настоящее время превратился в крупное, замечательно организованное научное и лечебно-практическое учреждение в нашей стране.

Значительная часть научных исследований проф. Скобло М.С., посвященных хирургическим заболеваниям нервной системы, зародилась и выполнена в Институте, сюда же относится и его диссертация на соискание ученой степени доктора мед. наук на тему «Симптоматическая эпилепсия».

Указанные работы являются продуктом самостоятельного творчества проф. Скобло М.С. и освещают оригинально различные сложные вопросы патологии нервной системы и нейрохирургической клиники. Докторская диссертация Скобло М.С. является ценным вкладом в науку и вносит много нового в изучение такой сложной проблемы, какой является эпилепсия.

В настоящее время проф. Скобло М.С. работает над разработкой и изучением нового отдела неврологии — вегетативной невропатологии. В Ленинградском Нейрохирургическом Институте хирургия вегетативной нервной системы и изучение патологии этой системы находится в центре внимания. Считаю поэтому, что работа проф. Скобло М.С. в институте была бы весьма ценной и желательна.

Проф. Скобло М.С. всегда отдавал и отдает и сейчас все свои знания и опыт, как честный и преданный Советской власти человек.

Считал бы весьма важным воздать проф. Скобло М.С. для работы в соответствующие мед. учреждения г. Ленинграда, где наиболее широко и плодотворно могли бы получить развитие его клинический талант и педагогический опыт».

¹³В списке научных трудов проф. М.С. Скобло указаны 2 статьи, опубликованные в «Сборнике работ врачей Дальстроя» («О клинике поражения промежуточного мозга при авитаминозе» (№ 1 за 1925 г.) и «О феноменах реперкуссии в неврологии» (№ 2 за 1946 г.). Найти этот сборник в Центральной научной медицинской библиотеке не удалось.

¹⁴Шубин Николай Васильевич (1894—1984) — выпускник Томского государственного университета, невропатолог, кандидат медицинских наук (1953), заведующий кафедрой нервных болезней Томского медицинского института с 1936 по 1973 г. (см. фонд Р-1553 в Государственном архиве Томской области).

К этой характеристике присоединили свои подписи действительный член АМН СССР проф. Ю.Ю. Джанелидзе и акад. А.Д. Сперанский. Согласно пометке М.С. Скобло, она была изъята при аресте 19.04.1949.

В личном архиве М.С. Скобло сохранилось напечатанное на бланке письмо директора Института общей и экспериментальной патологии акад. А.Д. Сперанского министру государственной безопасности СССР генерал-лейтенанту В.С. Абакумову от 04.07.1947. Сперанский присоединяется «к ходатайству доктора мед. наук, профессора Скобло Макса Соломоновича о разрешении ему жить и работать в г. Ленинграде», мотивирует свою просьбу плохим состоянием здоровья М.С. Скобло, которого называет выдающимся исследователем, а также подчеркивает желание «ряда научных кругов Ленинграда иметь его в числе научных работников этого города».

«В 1949 году я был повторно арестован и с апреля по декабрь 1949 г. содержался в тюрьме, где подвергался ряду унижительных допросов... В октябре 1949 г. мне было предъявлено постановление Особого Совещания о поселении меня в Красноярский край. 5 лет я провел в ссылке и находился в трудных условиях жизни и работы. Много мне пришлось перетерпеть унижений и моральных страданий, тем не менее мое мировоззрение и политические настроения не изменились», — пишет М.С. Скобло в вышеупомянутом письме в Управление КГБ по Ленинградской области. Далее он упоминает, что стал инвалидом, но не имеет права на пенсию, поскольку годы заключения не засчитываются в трудовой стаж, и требует полной реабилитации.

«С 1949 по 1955 г. работал в г. Канске — зав[едующим] нервн[ым] отделением горбольницы и [в] п/я 235 МВД СССР [—] консультантом-невропатологом и психиатром. Определением Военной Коллегии Верх[овного] Суда СССР от 6/X 1954 г. приговоры по моему делу от 1937 и 1949 г. отменены, а само дело было

прекращено Постановлением Комитета Госбезопасности по Ленинградской области от 6/IV 1955 г.», — пишет он в автобиографии.

Летом 1953 г. Л.И. Скобло навещал своего дядю, находившегося в ссылке на ст. Решеты, в центре Краслага, где М.С. Скобло работал главным врачом больницы. Они шли вдоль лагерных бараков, огражденных колючей проволокой. «Тут все мои больные — с той, и с этой стороны проволоки», — заметил М.С. Скобло. У них с женой было свое хозяйство — огород, курятник.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛЕНИНГРАД

В 1955 г. М.С. Скобло был полностью реабилитирован и вернулся в Ленинград, а в 1956 г. восстановлен в рядах КПСС, однако устроиться на работу в качестве научного сотрудника НИИ не смог. Он просит о помощи в трудоустройстве акад. А.Д. Сперанского и начальника Главного военно-медицинского управления Министерства обороны СССР академика АМН СССР Е.И. Смирнова. Никакого результата эти обращения не дали.

В письме, адресованном Президиуму XXI съезда КПСС (проходившего в Москве с 27 января по 5 февраля 1959 г.), М.С. Скобло пишет, что сохраняет интерес к научно-исследовательской работе. В течение 3 лет он безрезультатно обращался в Минздрав РСФСР с просьбой о предоставлении должности заведующего отделением или старшего научного сотрудника в Ленинградском нейрохирургическом институте, Нервно-психиатрическом институте им. В.М. Бехтерева или клинике нервных болезней Института физиологии АН СССР, однако ему предлагали должность заведующего кафедрой нервных болезней в Благовещенске и Чите.

М.С. и Б.А. Скобло с дочерью Александрой около своего дома на ст. Решеты (начало 1950-х) (фотография из личного архива И.В. Кытмановой)

M.S. and B.A. Skoblo with their daughter Alexandra next to their house at the Reshety station (early 1950s) (photo from the private archive of I.V. Kytmanova)

М.С. Скобло в своем кабинете (1950-е) (фотография из личного архива И.В. Кытмановой)

M.S. Skoblo in his office (1950s) (photo from the private archive of I.V. Kytmanova)

Неврологический молоточек М.С. Скобло (фотография Б.Л. Лихтермана)

M.S. Skoblo's neurological hammer (photo by B.L. Lichterman)

От этих предложений он отказался, ссылаясь на подорванное здоровье (стал плохо переносить морозы). «Я принял в 1955 г. первое сделанное мне предложение должности рядового врача-невропатолога психиатрической больницы, которую и выполняю до сих пор», — пишет Скобло, обращаясь к съезду с ходатайством о трудоустройстве в одном из вышеупомянутых ленинградских НИИ. Результат снова был нулевым.

Опыт работы консультантом-невропатологом во Второй Ленинградской психоневрологической больнице М.С. Скобло обобщил в 2 последних своих публикациях. В одной из них описана дифференциальная диагностика сенильной деменции и сосудистых заболеваний головного мозга (атеросклероза мозговых сосудов) [36]. Другая статья посвящена псевдотуморозному синдрому [37].

По словам племянника, М.С. Скобло был «врач от Бога». Однажды Леонид пожаловался ему на боли в икрах. М.С. спросил, есть ли сонливость. Получив утвердительный ответ, сказал: «У тебя авитаминоз, ешь витамины». И боли действительно прошли. Среди гостей М.С. Скобло был будущий директор Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева проф. М.М. Кабанов (1926–2013), который считал его своим спасителем (М.С. перевел Кабанова, попавшего в Краслаг по обвинению в антисоветской агитации, с общих работ в лагерные «прикурки»). По воспоминаниям племянника, М.С. Скобло был очень эрудированным человеком, читал классику на английском. Когда в конце 50-х годов в журнале «Новый мир» вышла статья о кибернетике, он с большим воодушевлением рассказывал о новой науке, предвещая ей большое будущее. Племянник-инженер, наоборот, был настроен скептически, и теперь признает, что ошибался.

В 1960 г. М.С. Скобло вышел на пенсию, а 3 года спустя умер. В «Журнале невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова» появился краткий некролог. М.С. Скобло назван в нем «видным советским невропатологом», который «работал на Дальнем Востоке и в Сибири». О том, что он был репрессирован, в некрологе не было сказано [17].

Б.А. и М.С. Скобло с внучкой Ирой на отдыхе в Зеленогорске (начало 1960-х) (фотография из личного архива И.В. Кытмановой)

B.A. and M.S. Skoblo with their granddaughter Ira on vacation in Zelenogorsk (early 1960s) (photo from the private archive of I.V. Kytmanova)

ЭПИЛОГ

Чем интересна нам жизнь и судьба М.С. Скобло? Во-первых, он яркий представитель революционной эпохи, местечковый романтик, нашедший себя в Революции и поклонявшийся ей на протяжении всей жизни. Юношей-идеалистом он вступил в ряды ВКП(б) и, несмотря на горький опыт ГУЛАГа, упорно стремился восстановиться в партийных рядах в конце своей жизни. Внучка М.С. Скобло И.В. Кытманова в письме к одному из авторов данной статьи объясняет это следующим образом: «То, что он так рьяно стремился восстановиться в партии и остался верен коммунистической идее, мне кажется, связано с тем, что эта идея осталась его единственной опорой в жизни. У него отняли возможность заниматься наукой, у него отняли здоровье, у него уничтожили ближайших друзей, его угнетала мысль, что из-за него пострадала его семья и близкие. Все это он списывал на ошибки системы, а не на чистую идею коммунизма. Разочароваться в этой идее значило для него перечеркнуть всю его жизнь, признать, что изначально был выбран неправильный путь и нравственные ориентиры. За что тогда ухватиться в этой жизни?» Головокружительная карьера (замдиректора Института хирургической невропатологии в возрасте 30 лет, заведующий кафедрой в 34 года, директор Института хирургической невропатологии в 36 лет) внезапно прервалась. Исключение из ВКП(б) за «связь с враждебными элементами» (прежде всего с коллегами по ВМА, многие из которых были впоследствии расстреляны) означало увольнение с директорской должности и последующий арест. О пытках и пародии на правосудие в годы «большого террора» написано множество книг, и судьба М.С. Скобло по-

зволяет в очередной раз увидеть кафкианские механизмы маховика репрессий. Он служит наглядной иллюстрацией разгрома ВМА и преследования ее выпускников и преподавателей в 30-е годы. Но это — тема отдельного исследования [38].

Во-вторых, М.С. Скобло — пример невролога (невропатолога) в нейрохирургии. Вопрос о том, чем является нейрохирургия — хирургической неврологией (невропатологией) или неврологической хирургией — интенсивно дебатировался в советской периодике 20-х — начала 30-х годов [39]. Размышления М.С. Скобло о роли и месте новой дисциплины и его практическая

работа в нейрохирургической клинике оказали заметное влияние на ее дальнейшее развитие.

Наконец, успехи медицинской генетики позволяют по-новому оценить работы М.С. Скобло о нейродегенерации, развивающие идеи его учителя М.И. Аствацатурова, а его диссертация по симптоматической эпилепсии предвосхитила современные подходы к диагностике и хирургическому лечению этого неврологического заболевания. Судьба как самого М.С. Скобло, так и всей отечественной неврологии и нейрохирургии могла сложиться иначе. Но, как сказал перед казнью Жорж Жак Дантон (1759–1794), «революция пожирает своих детей».

Приложение

РЕЧЬ М.С. СКОБЛО НА ПОХОРОНАХ М.С. АСТВАЦАТУРОВА¹

Профессор М.И. Аствацатуров принадлежал к наиболее блестящим представителям второго поколения невропатологов в нашем Союзе.

На плечах первого поколения ты устремился вперед. На базе всего созданного первым поколением ты проложил свои новые пути в нашей науке. На основе той теории, которой суждено было совершить революционный переворот в биологической науке и которой ты был столь глубоко проникнут всем предшествующим своим образованием — теории эволюции — ты дал блестящий анализ явлениям патологии нервной системы и привел в систему большой накопленный невропатологией эмпирический материал отдельных наблюдений. Ты был, однако, человеком не только замечательного аналитического ума — твой творческий гений разлагал жизненные явления на части, схватывал их общую жизненную связь и создал во многих областях невропатологии исключительные по своей глубине научные гипотезы и оригинальные синтетические обобщения. Ты был замечательным клиницистом, в котором гармонично сочетались глубокие знания, громадная эрудиция, тонкая наблюдательность исследователя и исключительная по силе интуиция. У постели больного человека главное был сам больной, а не данные лабораторного исследования. У постели больного ты не перегружал себя исследованием отдельных частных и деталей, а целостно подходил к человеческому организму, схватывая главные, ведущие звенья патологического процесса. Ты умел как никто выслушивать больного, его наблюдать и решал поэтому с эллинской ясностью и легкостью самые трудные диагностические задачи, тратя на это зачастую много сил и напряжения.

Твои личные дарования сделали тебя общепризнанным главой неврологической школы. Принадлежность к этой школе определяется не только разделением определенных взглядов, разработкой каких-либо вопросов неврологии в определенном направлении, а главное — особым подходом к больному, особыми приемами исследования, особым складом общего врачебного мышления. Ты оставил многочисленную плеяду учеников. Ты подготовил многочисленные кадры как для РККА, так и для гражданского здравоохранения. Большинство невропатологов города Ленина, даже те, которые не проходили твоей школы, находятся под влиянием твоей обаятельной личности и считают тебя своим авторитетом и учителем. Ты согревал теплом своей прекрасной души молодежь и своим могучим творческим даром воодушевлял ее на врачебную и исследовательскую работу. Ты был замечательным врачом-гуманистом, который так умел перевоплощаться в переживания и страдания больного человека. Еще недавно, уже прикованный к постели, испытывая боли, слабость [и] перебои сердца, ты говорил мне, что теперь с еще большей силой понял, какой отзывчивостью, какой чуткостью, способностью проникнуть в психику, переживания больного, должен отличаться врач. Мысли о призвании врача, его сущности и врачебном долге не оставляли тебя до самого последнего времени. Твой замечательный образ врача-мыслителя нуждается в специальном освещении и изучении. Твоя обаятельная личность, твой облик врача привлекали к тебе симпатии всей врачебной массы города Ленина. Твои лекции и публичные выступления собирали не только врачей-специалистов, но также

¹Из личного архива И.В. Кытмановой.

неспécialистов или врачей других специальностей, так как в них они черпали мудрые высказывания и ценные сведения, необходимые для каждого врача. Вот почему вся врачебная масса города Ленина переживала твою болезнь интимно близко и также тяжело скорбит по поводу твоей смерти. Для нас, твоих близких учеников, твоя смерть особенно тяжела. Вместе с твоей семьей осиротели и мы. Мы лишились отца, руководителя и друга, который не только нам помогал в нашей исследовательской и врачебной работе, но всегда близко воспринимал наши личные невзгоды, приходил нам на помощь в наших личных переживаниях.

Нам вдвойне также тяжело переживать его смерть потому, что он находился в расцвете своих творческих сил, в зените своей творческой активности. Его работы последних лет, созданные на основе его наблюдений в клинике и Институте хирургической невропатологии, особенно замечательны. Сюда относится серия работ по проблеме боли. Его анализ природы каузалгического симптомокомплекса, наблюдения, касающиеся клинической индивидуальности отдельных нервов, выделение особого болевого синдрома — *notalgia paraesthetica* являются ценнейшим вкладом в сокровищницу

неврологии. Естественным переходом от проблемы боли явились работы по вопросу о психосоматическом переключении. Ты мечтал написать монографию о проблеме боли, жертвой которой тебе пришлось стать самому. Этому прекрасному замыслу не суждено было осуществиться. Уже будучи больным, всего несколько месяцев тому назад ты написал свою последнюю работу о роли травмы в этиологии опухолей головного мозга. На этом завершился твой жизненный круг, оборвалась твоя замечательная жизнь, перестало биться твое прекрасное сердце.

Слава твоя переживет века, зная, выпавшее из твоих рук, будет подхвачено дружной семьей твоих учеников, имя твое войдет в пантеон замечательных людей — корифеев-классиков неврологической науки. Прощай, незабвенный дорогой учитель и друг. Ты был прекрасным сыном нашей социалистической родины. Ты радовался росту ее могущества, тому, что только в нашей стране созданы условия для расцвета научного исследования. Ты скромно, со сдержанной страстью и с большим достоинством выполнял свой долг гражданина — творил и работал на пользу нашей родины и социалистического здравоохранения. Ты умер на боевом посту.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. ГАРФ Ф. А-482. Оп. 28. Д. № 196. 1936. Паспорт Института хирургической невропатологии Ленинградского гор-здравотдела. Л. 1—30. [State Archive of Russian Federation, Fond A-482, Ser. 28, File 196, 1936. Passport of the Institute for Surgical Neurology of Leningrad city health council. P. 1—30. (In Russ.).]
2. Архив ВМедА им. С.М. Кирова. Д. 28. 1926. Приказы по академии. Л. 150. [Archive of the S.M. Kirov Military Medical Academy, Orders, File 28, 1926, P. 150. (In Russ.).]
3. Архив ВМедА им. С.М. Кирова. Д. 47. 1929. Приказы по академии. Л. 97. [Archive of the S.M. Kirov Military Medical Academy, Orders, File 47, 1929, P. 97. (In Russ.).]
4. Шендерович Л.М. Очерки развития отечественной невропатологии. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1962. С. 233—238. [Shenderovich L.M. Essays on development of Russian neurology. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1962. Pp. 233—238. (In Russ.).]
5. Скобло М.С. Травматические и огнестрельные ранения спинного мозга. В кн.: Руководство по военной невропатологии. Под ред. М.И. Аствацатурова. Л.: ОГИЗ, 1935. С. 91—103. [Skoblo M.S. Traumatic and gunshot spinal cord injuries. In: Manual on military neurology. Ed. by M.I. Astvatsaturov. Leningrad: OGIZ, 1935. Pp. 91—103. (In Russ.).]
6. Скобло М.С. Травматические и огнестрельные ранения головного мозга. В кн.: Руководство по военной невропатологии. Под ред. М.И. Аствацатурова. Л.: ОГИЗ, 1935. С. 103—123. [Skoblo M.S. Traumatic and gunshot brain injuries. In: Manual on military neurology. Ed. by M.I. Astvatsaturov. Leningrad: OGIZ, 1935. Pp. 103—123. (In Russ.).]
7. Скобло М.С. О биологической природе синкинезии при гемиплегиях. Современная психоневрология (Киев) 1928;7(9):139—46. [Skoblo M.S. On biological nature of synkinesia after hemiplegia. Sovremennaya psikhonevrologiya = Modern Psychoneurology (Kiev) 1928;7(9):139—46. (In Russ.).]
8. On biological nature of synkinesia after hemiplegia. Sovremennaya psikhonevrologiya = Modern Psychoneurology (Kiev) 1928;7(9):139—46. (In Russ.). Skoblo M.S. Ueber eine neue Form der hemiplegischen Mitbewegungen. Deutsches Zeitschrift fuer Nervenheilkunde 1928;104:281—5.
9. Скобло М.С. О биогенетическом анализе расстройств болевой чувствительности. Обзорение психиатрии, неврологии и рефлексологии 1930;(2):33—40. [Skoblo M.S. On biogenetic analysis of pain disorders. Obozrenie psikiatrii, neurologii i pefleksologii = Review of Psychiatry, Neurology and Reflexology 1930;(2):33—40. (In Russ.).]
10. Скобло М.С. Об историческом методе в невропатологии. Журнал невропатологии и психиатрии 1931;(5):34—41. [Skoblo M.S. On the historical method in neurology. Zhurnal nevropatologii i psikiatrii = Journal of Neurology and Psychiatry 1931;(5):34—41. (In Russ.).]
11. Скобло М.С. Некоторые клинические данные к вопросу о происхождении человека (к 50-летию смерти Дарвина). Военно-медицинский журнал 1931;3(3):181—93. [Skoblo M.S. Some clinical data on human origin (on 50th anniversary of Darwin's death). Voenno-meditsinskii zhurnal = Military Medical Journal 1931;3(3):181—93. (In Russ.).]
12. Скобло М.С. О природе болевых симптомокомплексов при травматических повреждениях нервных стволов. Новый хирургический архив 1933; 28 (Кн. 2):19—32. [Skoblo M.S. On the nature of pain syndromes in traumatic nerve injuries. Novy khirurgicheskiy arkhiv = New Surgical Archive 1933;28(Book 2):19—32. (In Russ.).]
13. Скобло М.С. Патогенез и лечение ампутационных болей. Архив биологических наук 1935;38(2):137—59. [Skoblo M.S. Pathogenesis and treatment of amputation pains. Arkhiv biologicheskikh nauk = Archive of Biological Sciences 1935;38(2):137—59. (In Russ.).]
14. Скобло М.С. О влиянии внешних воздействий на экстрапиримидные синдромы. В сб.: Советская невропсихиатрия. Т. 1. Л., 1936. С. 174—183. [Skoblo M.S.

- On the impact of external factors on extrapyramidal syndromes. In: Soviet neuropsychiatry. Collected papers. Vol. 1. Leningrad, 1926. Pp. 174–183. (In Russ.).
15. Скобло М.С. О своеобразном расстройстве гнозиса тела при гемиплегии. В кн.: Сборник трудов, посвященный 30-летию юбилею научной деятельности проф. С.Н. Давиденкова. Л., 1936. С. 330–334. [Skoblo M.S. On a peculiar disorder of body gnosis in hemiplegia. In: Festschrift for 30th anniversary of scientific activity of prof. S.N. Davidenkov. Leningrad, 1936. Pp. 330–334. (In Russ.).]
 16. Макс Соломонович Скобло (к 60-летию со дня рождения). Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова 1960;60(4):511. [Maks Solomonovich Skoblo (60th anniversary). Zhurnal nevropatologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova = S.S. Korsakov Journal of Neuropathology and Psychiatry 1960;60(4):511. (In Russ.).]
 17. Макс Соломонович Скобло [некролог]. Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова 1964;64(2):317. [Maks Solomonovich Skoblo [obituary]. Zhurnal nevropatologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova = S.S. Korsakov Journal of Neuropathology and Psychiatry 1964;64(2):317. (In Russ.).]
 18. Скобло М.С. Неврохирургия и проблема кадров. Социалистическое здравоохранение 1931;(3):51–5. [Skoblo M.S. Neurosurgery and the problem of cadres. Sotsialisticheskoe zdravookhranenie = Socialistic Health Care 1931;(3):51–5. (In Russ.).]
 19. Skoblo M.S. Materialien und Untersuchungsmethoden zur Physiologie des Tuber cinereum. Die Zeitschrift für die gesamte experimentelle Medizin 1930;73(1–2):56–82.
 20. Скобло М.С. Новое в физиологии серого бугра. Научное слово 1930;(4):40–63. [Skoblo M.S. New data on physiology of tuber cinereum. Nauchnoe slovo = Scientific Word 1930;(4):40–63. (In Russ.).]
 21. Skoblo M.S. Histologie der sekundären Degeneration der primären optischen Bahn. Die Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie 1931;132(3–4):407–42.
 22. Молотков А.Г. Институт Хирургической Невропатологии. Ленинградский медицинский журнал 1927;(8–9):61–4. [Molotkov A.G. Institute for Surgical Neurology. Leningradskii meditsinskii zhurnal = Leningrad Medical Journal 1927;(8–9):61–4. (In Russ.).]
 23. Иванова А.Т. Сергей Петрович Федоров (1869–1936): научная биография. М.: Медицина, 1972. 228 с. [Ivanova A.T. Sergei Petrovich Fedorov (1869–1936): a scientific biography. Moscow: Meditsina, 1972. 228 p. (In Russ.).]
 24. Берснев В.П. К истории Российского научно-исследовательского нейрохирургического института им. проф. А.Л. Поленова. В кн.: Российский научно-исследовательский нейрохирургический институт им. проф. А.Л. Поленова (1926–2001). Под ред. В.П. Берснева. СПб.: 2003. С. 8–58. [Bersnev V.P. On a history of the A.L. Polenov Russian Research Institute for Neurosurgery. In: The A.L. Polenov Russian Research Institute for Neurosurgery (1926–2001). Ed. by V.P. Bersnev. Saint Petersburg, 2003. Pp. 8–58. (In Russ.).]
 25. ГАРФ Ф. А-482. Оп. 28. Д. № 92. 1937. Годовые планы работ научно-исследовательских медицинских институтов на 1937 год. Л. 64–79. [State Archive of Russian Federation, Fond A-482, Ser. 28, File 92, 1937. Annual plans of research medical institute for 1937. Pp. 64–79. (In Russ.).]
 26. Архив Управления ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. Архивно-следственное дело П 17838 по обвинению Скобло М.С. 1937. 171 л. [Archive of FSB department of St. Petersburg and Leningrad region. File П 17838 on accusation of Skoblo M.S., 1937. 171 p. (In Russ.).]
 27. Скобло М.С. Симптоматическая эпилепсия (эпилепсия при хирургических заболеваниях нервной системы: опухоли, абсцессах, арахноидитах и травмах). Дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1935. 156 с. [Skoblo M.S. Symptomatic epilepsy (epilepsy in surgical diseases of nervous system: brain tumors, abscesses, arachnoiditis' and injuries. Habilitation thesis. Leningrad, 1935. 156 p. (In Russ.).]
 28. Бурденко Н.Н. Обзор и пути дальнейшего развития нейрохирургической работы Центрального нейрохирургического института и 1-й хирургической клиники I ММИ. В сб.: Первая сессия нейрохирургического совета, 3–7 мая 1935 г. М.; Л.: Биомедгиз, 1937. С. 7–14. [Burdenko N.N. Review and further development of neurosurgery performance of the Central Neurosurgery Institute and the 1st Surgical Clinic of the 1st Moscow Medical Institute. In: The First Session of the Neurosurgical Council, 3–7 May 1935. Moscow; Leningrad: Biomedgiz, 1937. Pp. 7–14. (In Russ.).]
 29. Возвращенные имена. Книги памяти России. Доступно по: <http://vizs.nlr.ru/person/show/8338>. [Returned names. Memory book of Russia. Available at: <http://vizs.nlr.ru/person/show/8338>. (In Russ.).]
 30. Шаламов В. Курсы. Доступно по: <https://shalamov.ru/library/1/14.html>. [Shalamov V. Courses. Available at: <https://shalamov.ru/library/1/14.html>. (In Russ.).]
 31. Шаламов В. Тифозный карантин. Доступно по: <https://shalamov.ru/library/2/33.html>. [Shalamov V. Courses. Available at: <https://shalamov.ru/library/2/33.html>. (In Russ.).]
 32. Варпаховская И.С. Из воспоминаний колымской Травиаты. Театр ГУЛАГа: воспоминания, очерки. Сост., вступ. ст. М.М. Кораллова. М.: Мемориал, 1995. С. 64–79. Доступно по: <http://www.kolyma.ru/magadan/index.php?newsid=387>. [Varpakhovskaya I.S. Memoirs of Traviata from Kolyma. In: Theatre of CULAG: memories, essays. Comp., introduct. by M.M. Corallo. Moscow: Memorial, 1995. Pp. 64–79. Available at: <http://www.kolyma.ru/magadan/index.php?newsid=387>. (In Russ.).]
 33. Расстрелянное поколение. 1937-й и другие годы. Доступно по: <http://1937god.info/node/1094>. [Shot generation. 1937 and other years. Available at: <http://1937god.info/node/1094>. (In Russ.).]
 34. Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы. Доступно по: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=347>. [Memories of the GULAG and their authors. Available at: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=347>. (In Russ.).]
 35. Скобло М.С. Клещевой энцефалит и паркинсонизм. Невропатология и психиатрия 1948;(5):30–3. [Skoblo M.S. Tick-borne encephalitis and parkinsonism. Nevropatologiya i psikiatriya = Neuropathology and Psychiatry 1948;(5):30–3. (In Russ.).]
 36. Скобло М.С. К неврологической диагностике психозов старческого возраста. Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова 1959;59(11):1320–4. [Skoblo M.S. On neurological diagnosis of senile psychoses. Zhurnal nevropatologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova = S.S. Korsakov Journal of Neuropathology and Psychiatry 1959;59(11):1320–4. (In Russ.).]
 37. Скобло М.С. Особенности псевдотуморозного синдрома при сосудистых заболеваниях головного мозга. Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова 1962;62(5):682–7. [Skoblo M.S. Peculiarities of pseudotumor cerebri in cerebrovascular diseases. Zhurnal nevropatologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova = S.S. Korsakov Journal of Neuropathology and Psychiatry 1962;62(5):682–7. (In Russ.).]
 38. Козовенко М.Н. Научно-педагогические и кадровые проблемы реформы военно-медицинского образования в первой половине XX века (по материалам Военно-медицинской академии). Дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 2002. 410 с. [Kozovenko M.N. Scientific, pedagogical and staffing problems of reforming military medical education in the first half of XXth century (a case of Military Medical Academy). Habilitation thesis. Saint Petersburg, 2002. 410 p. (In Russ.).]
 39. Лихтерман Б.Л. Нейрохирургия: становление клинической дисциплины. М., 2007. 312 с. [Lichterman B.L. Neurosurgery: emergence of a clinical discipline. Moscow, 2007. 312 p. (In Russ.).]

Вклад авторов

Б.Л. Лихтерман: сбор данных из личного архива внучки М.С. Скобло И.В. Кытмановой, написание текста статьи;
М.Н. Козовенко: идея написания статьи; сбор архивных данных (из личного дела М.С. Скобло в архиве Военно-медицинской академии и следственного дела в архиве ФСБ в Санкт-Петербурге).

Authors' contributions

B.L. Lichterman: data collection from the personal archive of M.S. Skoblo's granddaughter I.V. Kytmanova, manuscript preparation;
M.N. Kozovenko: idea of the article; collection of archival data (from M.S. Skoblo's personal file at the Military Medical Academy and investigation file at the Federal Security Service in Saint Petersburg).

ORCID авторов/ORCID of authors

Б.Л. Лихтерман/B.L. Lichterman: <https://orcid.org/0000-0002-3453-4380>
М.Н. Козовенко/M.N. Kozovenko: <https://orcid.org/0000-0003-0158-6747>